

7. Kaiumova E.R. *Sopostavitel'nyi analiz iazykovykh osobennostei zhenskikh i muzhskikh glyantsevykh zhurnalov* [Comparative analysis of the linguistic features of the women's and men's glossy magazines. Dokt. Dis.]. Ufa, 2012.

8. Kozlov E.V. *Razvlekatel'nyi narrativ v paraliterature: kul'turnyi status i diskursivnye praktiki* [Entertaining narrative in paraliterature: cultural status and discursive practices. Dis. Dr.]. St-Peterburg, 2009.

9. Kostyashina E.A. *Eksplikatsiia tsennostnoi kartiny mira v kommunikativnoi modeli «avtor-adresat» (na materiale glyantsevykh zhurnalov)* [Legend valuable picture of the world in a communicative model "author destination" (on the material of glossy magazines)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2012, №4(8), pp. 23–31.

10. Misonzhnikov B.Ia. *Otazhenie deystvitel'nosti v tekste* [The reflection of reality in the text]. *Osnovy tvorcheskoi deiatel'nosti zhurnalista* [Fundamentals of creative activity of journalists]. St-Peterburg, 2000, pp. 82–97.

11. Plisetskaya A.D. *Globalizatsiia v iazyke i stile glyantsevykh SMI (na materiale zhurnala Jalouse, frantsuzskaya i*

russskaya versii) [Globalization in the language and style of glossy media (as exemplified in Jalouse magazine, the French and Russian versions)]. *Sborniki konferentsii NITs «Sotsiosfera»* [Proceedings of the conference SIC "sociosphere"], 2010, №8, pp. 190–199.

12. Skulkin O.V. *Glyantsevyi zhurnal'nyi diskurs v Rossii XXI veka: lingvitoricheskie parametry funktsionirovaniia gender-ideala* [Glossy magazine Discourse in Russia in XXI century: lingvorhetoric parameters functioning of gender-ideal. Dokt. Dis.]. Maykop, 2014.

13. Tulupov V.V. *Rossiiskaya pressa: dizain, reklama, tipologiya* [Russian press: design, advertising, typology]. Voronezh, 1996. 112 p.

14. Shiutts A. *Smyslovaia struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moscow, 2003. 335 p.

15. Thompson J.B. *Ideology and Modern Culture*. Oxford, 1990. 353 p.

УДК 882 (075.8)

Е.О. Кириллова

Дальневосточный федеральный университет
(г. Владивосток)

ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ Н.А. БАЙКОВА КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СВЯЩЕННОГО ДЕРЕВА

Статья посвящена проблемам изучения литературы русского дальневосточного зарубежья, историко-географически и социально-политически обусловленным наличием диалога культур. В отношении литературы Дальнего Востока и русской дальневосточной эмиграции, сформированных на интернациональном существовании, в наше время одинаково применимы термины метакультурная, фронтирная, порубежная, трансграничная и др. Эти обозначения отражают уникальность всего социокультурного контекста этой территории на протяжении уже нескольких веков. В представленной статье удивительное региональное своеобразие дальневосточной литературы проанализировано на примере образа священного дерева и его репрезентации в творчестве русского писателя Н. Байкова. Заявленная проблема рассмотрена на художественном материале сборника «В горах и лесах Маньчжурии» и повести «Великий Ван».

Николай Байков, литература русского зарубежья Дальнего Востока, дальневосточная эмиграция, Маньчжурия, культурное взаимодействие, священный/сакральный образ, ориентальный, этнокультурный, кедр.

The article reviews the problems of studying literature of the Russian Far Eastern abroad, determined historically, geographically, and socio-politically by the dialogue of the cultures. The adjectives such as «metacultural», «frontier», «boundary», «transborder», et cetera are identically applicable to literature of the Russian Far East and that of the Russian Far Eastern emigration, formed on international existence. These definitions reflect the uniqueness of all the socio-cultural context of the territory for several centuries. The marvelous regional singularity of the Russian Far Eastern literature are analyzed in the oeuvre of N. Baykov, the Russian author who coined and represented the image of Sacred Tree. The outlined problem is considered in the art material of the collection «In Mountains and Woods of Manchuria» and the novel «The Great Wang».

Nikolay Baykov, literature of the Russian abroad of the Far East, Far East emigration, Manchuria, cultural interaction, sacred/sacral image, oriental, ethnocultural, cedar.

Введение

На Дальнем Востоке, как нигде в другом месте России, всегда обнаруживалось наличие стыка культур, гармоничное сочетание восточной и западной цивилизаций, азиатского и русского, мифопоэтического мировоззрения коренных малочисленных народов, традиционно проживавших на этой территории, и ментальности казаков, путешественников, первооткрывателей региона. Юг Дальнего Востока, как окраина России, полноценно начатая осваиваться русским правительством

поздно, лишь в середине XIX века, формировался в уникальных этнорегиональных, этнорегиональных и социокультурных условиях. Немаловажно и то, что Уссурийский край до 1860 года входил в состав Цинской империи (Маньчжурская династия, последняя императорская династия Китая). Уже изначально на территории Тихоокеанской России складывались гармоничные, по большому счету, межнациональные отношения. Это было связано с неопределимым вкладом многих людей разных национальностей и вероисповеданий в

основание и развитие края, не только русских, малороссов, прибалтов, мусульманских общин, но и поляков, немцев, датчан, финнов, китайских и корейских торговцев, японских промышленников. На равных наличествовали в регионе разнообразные религии и конфессии: православные и буддисты в лице проживавших китайцев и японцев, католики, мусульмане и верующие в шаманизм корейцы, удэгейцы, нанайцы, тазы. Подобная многоязычная среда соответственно демонстрировала варианты инокультурных сознаний и картин мира. Практически отсутствовали случаи расовой ненависти, несправедливого обращения, взаимного антагонизма. Дальний Восток всегда был и остается стыком трех границ, местом, где легко и нестесненно мешается русская, китайская и корейская речь, вера во Христа и китайский культ предков и многобожия, рассудочный католицизм и корейские, тунгусо-маньчжурские представления о наличии множества душ и вера в хозяев различных стихий. Так, например, традиционные русские/славянские обряды и представления под воздействием других порубежных культур если и не изменялись, то подвергались трансформации, часто включали в себя как составляющие фрагменты инокультурной картины мира, этнокультурные компоненты. Культура Дальнего Востока формировались в синкретизме: славянский фольклор, региональные мифологические представления, ориентальные религиозные верования и ритуалы, тотемные культы и многое другое получали свое художественное воплощение и в «дальневосточных» текстах русских писателей.

Писатель Николай Аполлонович Байков (1872, Киев – 1958, Брисбен, Австралия), к сожалению, сегодня мало известен современным российским читателям, хотя в прошлом веке получил большое признание за рубежом, особенно в странах Азии. Байков принадлежал к старинному дворянскому роду. По отцовской линии род его восходил к Федору Байкову – первому послу русского государства в Китае (Империи Цин) в 1654–1657 гг., везшему китайскому императору в Пекин грамоту царя Алексея Михайловича с предложением установить дружественные отношения между двумя странами [1]. *Бабушка со стороны отца Байкова, Мария Егоровна Гоцмиева, была родной племянницей знаменитого имама Шамиля. Байков очень гордился этим родством, бывал на Кавказе. В его характере заметны упрямые черты, желание самому распоряжаться своей судьбой. Отец Николая, Аполлон Петрович, генерал-лейтенант и военный юрист, был членом Главного военного суда в Петербурге. Среди его знакомых были Н.М. Пржевальский, Д.И. Менделеев и Великий князь Николай Михайлович, которые и повлияли на судьбоносное решение юного Байкова отправиться на Дальний Восток. Жена Аполлона Петровича Зинаида Александровна, урожденная Голуб, происходила из древнего рода. Предки ее еще с 1368 года служили государям московским.*

В России произведения писателя впервые были изданы в 1914 году, а в советское время не издавались вообще. После долгого перерыва, в 1992 году, благодаря дальневосточному альманаху «Рубеж», читатели узнали имя Байкова. В 2009–2012 гг. во Владивостоке в издательстве «Рубеж» в рамках Собрания сочинений были изданы «Великий Ван» [3], «В горах и лесах

Маньчжурии» [2], «Тайга шумит» [5]. Тем не менее творчество Байкова, несмотря на неполную (даже сейчас) доступность для российских читателей, все же составляет одну из примечательных глав не только литературы русской эмиграции XX века, но и всей русской литературы прошлого столетия. Без глубокого и подробного изучения творчества «писателей второго ряда», как иногда называют таких авторов, полная картина литературного процесса того времени вообще и русской эмиграции, в частности, вряд ли станет ясна. *Среди русской эмиграции в Маньчжурии произведения писателя-натуралиста Байкова выходили самыми большими тиражами. Он был одним из самых известных литераторов Харбина. Малоизвестную сегодня судьбу писателя, думается, с долей условности, можно восстановить по его объемной прозе, которая во многом автобиографична* [7], [12], [13], [18].

Целью работы стала необходимость продемонстрировать на примере знаковых образов отражение восприятия ориентальной культуры в творчестве русского писателя.

Основная часть

Шу-Хай – лесное море маньчжурской тайги (в дословном переводе с кит. – дерево-море) – главное действующее лицо большинства рассказов Байкова: «В начале XX века почти вся Восточная Маньчжурия была покрыта сплошными первобытными лесами. Особенным богатством и разнообразием растительности отличался горный хребет Чжан-Гуан-Цайлин, или Лао-э-лин, заполняющий своим массивом и отрогами огромную площадь между реками Сунгари и Муданцзяном. У местных маньчжур эти леса носили название «шу-хай» – лесное море, бродячие же тунгусские племена называли их «великим лесом». Леса покрывали около 80 000 квадратных километров и на юге носили официальное название – «Леса Императорской Охоты»» [5, с. 20]. В повести/романе «Великий Ван» писатель обращает свой взор на первобытный лес: «От границ Кореи до берегов Амура, на сотни километров растянулись горные хребты. Гранитные вершины их, острые края, крутые и пологие склоны, темные ущелья и широкие долины заросли дремучими первобытными лесами. По едва заметной звериной тропе изредка пробредет полу-дикий зверолов или бродяга хунхуз (этнограф., маньчж. – китайские разбойники. – Е.К.). В верховьях горных ручьев, в глубоких распадках ютятся убогие шалаши рыболовов и фанзы (этнограф., маньчж. – лесная хижина. – Е.К.) охотников. Это Лесное Море – Шу-Хай, как называют местные жители всю восточную часть Гиринской провинции. Действительно, зеленые волны лесистых горных хребтов занимают всю эту обширную площадь, напоминая застывшее море, уходящее в безбрежную даль горизонта. Это особый мир тайги. Здесь господствует зверь, а не человек. Все здесь напоминает седую старину исчезнувшей геологической эпохи. Люди и звери сохранились здесь в первозданной обстановке дикой пустыни. Шу-Хай имеет свою историю, свою особую жизнь, свой быт, свои законы и свои легенды, связанные с преданиями глубокой древности» [3, с. 99].

Тайга для писателя сакральна: «Массивные, высокие стволы колоссальных кедров поднимались

вверх и терялись в густой, непроницаемой для солнца хвое. Здесь царил вечный полумрак, как в храме. Ни один звук не нарушал тишину этих дремучих дебрей» [5, с. 69]. Или: «Гигантские стволы вековых кедров, освещенные кострами, выделялись на черном фоне тайги, подобно колоннаде древнеегипетского храма» [2, с. 179] – здесь «та же вечная полутьма, та же глубина теней, та же невозмутимая торжественная тишина» [2, с. 130]. Природа для Байкова именно храм. Человек вхож в его святая святых – таинственные таежные дебри, но он здесь не более чем жрец, а порой и всего лишь жертва. Через всю повесть «Великий Ван» проходит мотив кедр – символа величия, могущества и неподкупности. Из-за своей прочности и долголетия (из кедров был построен храм царя Соломона) это дерево часто ассоциируют с бессмертием. Считалось также, что кедр хранит души от разложения. В дальневосточной культуре это дерево является еще и символом Уссурийской тайги. Постройка стратегически важной для России в конце XIX века Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) началась с истребления именно этих деревьев: «С самого начала на эти зеленые пуши обратили свое благосклонное внимание лесопромышленники и приступили к «эксплуатации», для чего правительством Китая отведены были обширные «концессии» вдоль линии железной дороги. С тех пор началось истребление чудных лесов Маньчжурии. Самой ценной древесной породой считался кедр, сплошь покрывавший северные склоны главного хребта и его отрогов. <...> К югу от станции, у подножья Тигровой Горы, нередко встречались гигантские кедровые деревья высотой до двадцать пять сажен. Такие великаны, достигшие пятидесятилетнего возраста, имели в диаметре по полторы сажени! Для вывоза этих богатырей из леса построены были особые дековильки (вагонетка на лесных промыслах или горном деле. – Примеч. автора. – Е.К.) и специальные платформы» [5, с. 21].

Примечательно также, что священный кедр считается деревом тигровым, связан с тигром, главнейшим животным Уссурийской тайги и культовым, тотемным зверем Азии. Байков, к примеру, это постоянно подчеркивает, иногда указывает косвенно. О кедре тигр точит свои когти: «Из деревьев они предпочитают породы с мягкой корой: бархат, орех, кедр и лиственницу» [3, с. 64]. Тигр и кедр часто в связке: тигры любят пади, заросшие густым вековым кедровником. Тигр часто прячется за большим пнем спиленного кедровника [2, с. 198] или перед нападением таится за толстым стволом могучего дерева [2, с. 273], под стволом вековых кедров владыка тайги отдыхает [3, с. 440]. Но из-за беспощадной и бездумной вырубке кедров, постройки многочисленных лесных концессий тигры вынуждены покидать свои места, уходя все дальше в лес. Человек вытесняет тигра. Отлично эта линия продемонстрирована Байковым в «Великом Ване»: «Совершая обходы своих владений Шу-Хая, Ван останавливался иногда надолго в тех местах, где он находил обильную пищу. Вследствие вырубке лесов, в особенности кедровников, стада кабанов значительно уменьшились по количеству и кочевали по всему пространству Шу-Хая в поисках корма. <...> Ван объявил войну пришельцам. <...> Звероловы, охотники и дровосеки знали уже об этом событии и втихомолку передавали друг другу слухи о настроении

Повелителя лесов, его намерениях и поведении» [3, с. 190–191].

В различных культурах многие деревья считались священными или магическими, и образ дерева в них традиционно был связан с мифологической картиной мира. Почтительное отношение к волшебной силе деревьев было основано на примитивных верованиях, что в них живут боги и духи. Практически у всех народов распространен символический образ Древа Жизни или Космического Древа, корни которого погружены в воды загробного мира, и, проходя через землю, оно достигает небес. Древо Жизни часто становилось метафорой для сотворения мира. Гнезда птиц в кроне дерева – эмблемы душ и небесных посланников. С помощью Древа Жизни человечество поднимается от низшего уровня развития к духовному просветлению, спасению или освобождению из круга бытия.

Любопытно, что с фольклором относительно таких Древ Жизни связаны представления, например, удэгейцев, коренного народа Дальнего Востока, и других тунгусо-маньчжурских племен. Так, у удэгейцев есть мифы и легенды о неких Священных деревьях и шаманских столбах: «Много чудесных деревьев можно в тайге увидеть. Есть Мировое дерево – символ самой Вселенной. Корни его – в царстве мертвых, середина ствола – на земле, а крона – на небесах. Три мира – подземный, земной и небесный – соединяет оно. Есть деревья, корни которых растут не вниз, а вверх» [16, с. 49]. «Находил охотник такое дерево и внизу, в уровне колена, вырезал магический треугольник пиэва. Острие треугольника направлял к восходу солнца. Ставил столик для жертвоприношений, разводил огонь. Молился возле такого дерева – молитва к небесным людям ба нани восходила. Посреди болот еще одно мифическое дерево растёт, Мо называется. Вершиной оно в небо упирается. Листьев на нем совсем нет. Вместо них бубенчики комохто висят. Это священное дерево заяц караулит. Он золотой цепью к стволу прикован. Уши у зайца длинные-предлинные: он не только земные звуки слышит, но и звуки других миров. Стоят в тайге шаманские столбы сама тутуни. Сделаны они искусными мастерами по заказу шаманов из высоких стволов лиственницы. Богато украшены столбы рельефными изображениями людей, ящеров, змей, жаб, скульптурами орлов, кукушек и тигров. Душа шамана отдыхает на таком столбе после полетов на небо и путешествий по подземному миру» [16, с. 50]. В образе растущих корнями вверх деревьев обнаруживаются переключки и с фольклором индейцев.

В художественном создании образа господина леса, или, по выражению Байкова, «патриарха леса» – могучего кедровника – произведения Б. Юльского переключаются с произведениями Байкова (вполне возможно, что первый писал свои небольшие рассказы под впечатлением книг Байкова, тогда уже известного маньчжурского писателя). Байков выражает негодование из-за нарушения лесного равновесия. Вырубку лесов он считает преступлением даже не экологическим, а нравственным. «Часто кажется, что сюжет, событие служат автору лишь поводом, чтобы снова и снова вернуться в тайгу, рассказать о ней. Но этому великолепию скоро придет конец. Апокалиптические мотивы нередко проскальзывают в рассказах Байкова, и связаны они с

вмешательством человека в упорядоченное бытие тайги. Люди стараются приспособить тайгу для своей жизни и наносят ей страшный ущерб» [11, с. 44]. Картина, которую видит Ван, выйдя ночью на поселковую железнодорожную станцию, его ужасает: завод, поезда, свет и шум... Созерцая невиданное зрелище, Ван думает свои звериные невеселые думы: «Громыкая колесами на стыках рельс, пыхтя и шумя тормозами, освещая темноту своими глазами-окнами, он медленно, как страшное чудовище, полз по рельсам. Голова чудовища изрыгала клубы белого пара и огненные искры; два глаза-прожектора прорезывали тьму своими гигантскими ослепительными лучами. Пронзительный свет рассек воздух и больно ударил по слуховым органам хищника. Он прижал уши и зажмурился. Чудовище остановилось, и видно было, как множество людей толпилось и бегало. Он слышал отдаленный шум, голоса и сверлящий ухо визг пилы на заводе. Все это было так необычно и неприятно для царя тайги, что они никак не мог прийти в себя, и в мозгу его зарождались все новые мысли и новые идеи» [3, с. 159–160].

Ван приходит к убеждению, что положение изменилось благодаря появлению новых людей, которые обладают особыми качествами: «Движущиеся, непонятные ему чудовища, имеющие сходство со змеей, подчиняются человеку. Огромные здания с ослепительно сверкающими окнами, с ревущими внутри их существами, изрыгающими клубы огненного дыма, – все это дело рук двуногого. Это он настроил свои жилища-ящики, свои железные тропы по дремучей тайге и вырубил родные заросли. Это он жжет и уничтожает леса, дающие приют и пищу дикому зверю и птице. Неудержимая злоба закипала в сердце Вана против этого пришельца, и в мозгу его зарождалась месть. Он еще не представлял себе, как будет мстить этому двуногому, но чувство это усиливалось, превращаясь в стихийное стремление. Не имея равных соперников в тайге и царствуя в горах в течение пятнадцати лет, Ван почувствовал, что владычеству этому пришёл конец, что престиж его в дикой пустыне поколеблен. Насмотревшись вдоволь на невиданное для него зрелище железнодорожной станции с ее ослепительным освещением, затмевающим свет луны, с ее оглушительными звуками, поглощающими знакомые ему звуки тайги, он встал и заревел, долго и протяжно, как бы жалуясь и в то же время угрожая могучему врагу. Но рев этот не был услышан на станции и в поселке. Он заглушен был пронзительными свистками декапота, шумом пил и паровых котлов лесопильного завода. Подавленный и угнетенный, он удалился в тайгу, поднимаясь по хребтам на вершину Кокуй-Шаня...» [3, с. 160].

Вслед за мстящим людям Ваном, нападающим на охотников, вся тайга восстает против действий человека, отсюда и название главы у Байкова – «Тайга шумит». Неограниченный повелитель тайги будто поднимает подданных своего таежного царства на борьбу. Видя разгром и уничтожение заповедных убежищ и древних, унаследованных от предков кормовых угодий и пастбищ, четвероногие и пернатые аборигены тайги присоединились к двуногим и объявили непримиримую войну пришельцам: «Каждый по мере сил старался вредить им и не упускал случая уничтожить плоды их рук и всяческие ухищрения их ума» [3, с. 168]. Так,

«стада кабанов подрывали телеграфные столбы, валили их на землю и рвали телеграфную проволоку, тем прекращая связь главной линии с ветками. Поля и огороды новоселов в притаежных районах подвергались нападениям многочисленных стад кабанов и медведей и уничтожались полностью, причем не помогали никакие пугала, трещотки и костры, разжигаемые по опушкам лесов. <...> Вертявые бурундуки, выйдя из тайги, уничтожали посевы поселян, делая себе в тайге запасы на зиму. Красавцы фазаны, тетерева и куропатки не отставали от грызунов и наводняли поля многочисленными стадами. В дремучей тайге охотники нередко становились добычей хищников» [3, с. 168–169]. А медведи обрывали телеграфные столбы, один даже вышел на железнодорожное полотно бороться с идущим навстречу диковинным чудовищем – проходящим поездом, в результате чего был «смят, раздавлен и погиб геройской смертью» [3, с. 169]. И в этом кажущемся, на первый взгляд, курьезно-казульном эпизоде столько скрытой для писателя трагедии.

Но виноват, по Байкову, не только прогресс, но и жестокое, потребительское отношение к природе. Так, древние могучие деревья срубаются под корень пришлыми китайцами только для того, чтобы удобнее было собирать орехи. С негодованием и горечью пишет Байков о бесславной гибели лесов, выращенных матерью-природой: «Десятки, сотни обтесанных смолистых кедровых бревен разбросаны были по тайге, и мертвые богатырские тела их белели среди куч поваленной хвои, красноватых ветвей и щепы. <...> Мне казалось, что я вижу перед собой поле битвы, с телами павших воинов-богатырей. <...> О, поле, кто тебя усеял мертвыми костями» [5, с. 254]. Или: «С западной стороны Кокуй-Шаня человек провел железный путь. Здесь выстроил он свое жилище-ящик и занялся вырубкой вековых кедровников. Могучие великаны-кедры, в несколько обхватов толщиной, валились под ударами беспощадных топоров, нарушая тишину первозданных лесов грохотом своего падения. Визг пилы, удары топоров и крики погонщиков, лошадей впервые от создания мира наполняли девственно чистый воздух своими резкими звуками. Тайга стояла и плакала крупными смоляными слезами, падавшими из глубоких зияющих ран в рыхлый холодный снег. Так жаловалась она на судьбу свою, и прощальная песня ее печально звучала под сводами равнодушного холодного неба» [3, с. 161].

Вообще символика кедра в мировой культуре широка и многопланова. Кедр почитался священным Деревом Жизни у самой древней, загадочной и затерянной в веках цивилизации, давшей жизнь всему современному миру, – Шумер. Носители тайных сакральных знаний, шумеры верили, что кедр – символ могущества, величия и бессмертия – был создан Богом как накопитель энергии Космоса на земле [9]. Кедр означает силу, знатность и неподкупность. В христианстве символизирует величие, достоинство, красоту и Христа. У евреев кедр – священное дерево храма Соломона. Считалось, что кедр обладает волшебными свойствами. В Сибири кедр пользовался таким же уважением. Его также именуют сибирским великаном, заветным деревом, деревом-коровой, чудо-деревом и даже боярином в дорогой шубе. Алтайцы почитали кедр. Традиции его почитания передались и русским поселенцам. «Не бей

меня, не ломи меня, лезь на меня, есть у меня», – такая ходила по сибирским деревням «экологическая загадка». Русские в районе Томска берегли кедровники от пожара, следили, чтобы никто не портил дерево и не сбивал шишек, для чего направляли специальный мирской караул. Задержанные виновные подвергались штрафу. Разрешалось лишь срубить старый кедр на гроб для члена общины, если для чужака, то требовалось разрешение общины. В Сургутском крае попавшихся на месте рубки кедровников раздевали донага, привязывали к дереву и оставляли на съедение гнусу [10].

Для писателя Байкова маньчжурский кедр тоже своего рода Древо Жизни. И дело тут не только в том, что кедр – кормилец леса, часть экосистемы, его уничтожение изменит ход вещей в природе. Кедр произрастает в уникальных местах Уссурийской тайги, аналогов которым в мире нет. В своих произведениях Байков часто выступает против святотатства по отношению к кедру: «Перед нами гигантский пятисотлетний кедр – «патриарх лесов». Он имел более двадцати сажен в высоту, при трех саженях в окружности у корня. На его густой кудрявой вершине, возвышающейся над лесом, люди установили платформу с перилами. Вокруг ствола вилась деревянная лестница. На этом кедре устраивались пирушки, и гости из Харбина засиживались здесь до утра, встречая восход солнца, когда золотые лучи его освещали гранитную твердыню Тигровой Горы, и тайга тихо напевала свою вешнюю песню» [5, с. 21–22]. Явственное осуждение и негодование звучит в словах Байкова. Глупые и малодушные забавы людей оскорбляют достоинство пятисотлетнего «патриарха»: «Бывали случаи, когда гости, отдавая должную дань Бахусу и под влиянием качки, подвергались «морской болезни», тогда с вершины раздавались весьма негармоничные звуки и струились потоки неблагоприятной жидкости. Когда же некоторые из них особенно налегали на перила и перегибались через них, рискуя упасть вниз с двадцатисаженой высоты, их удерживали более благоразумные собутыльники, но это вызывало протест и резонное замечание, что им на все «наплевать с высокого кедра»! Это выражение впоследствии так привилось среди русских в Маньчжурии, что приобрело права гражданства. <...> Любители сильных ощущений приезжали издалека испытать свои нервы, стараясь подняться на самый верх в бурю, когда тайга шумела, как море, и лесной богатырь раскачивался как тростинка» [5, с. 22]. Недолго древний гигант смог выдержать такие надругательства: «он упал на землю и разбился на несколько частей. В конце концов, его покололи на дрова и сожгли в конторе» [5, с. 23].

Примечательно, что к образу подобных Священных деревьев, страстно почитаемых местным населением, довольно часто обращались журналисты и русскоязычные издания Китая. Так, об одной такой святыне писал в своей заметке в харбинском журнале «Рубеж» в 1943 году некий неизвестный автор. Статья носила название «Священное дерево маньчжур. Паломничество к старому вязу в центре Харбина»: «Все лето Харбин был свидетелем паломничества маньчжурского населения города к дереву, возвышающемуся среди самой мостовой на Артиллерийской улице, недалеко от угла Полицейской. Целыми днями, с раннего утра и до поздней

ночи, собирались здесь молодые и старые, женщины и мужчины, богатые и бедные – собирались для того, чтобы совершить свой религиозный обход, возвести молитвы и выразить свою религиозную веру тому невидимому, что по их твердому представлению, связано с этим страшным деревом. Иногда тут можно было видеть пожилых маньчжурок, тихо причитающих, стоя на коленях перед алтарем, наскоро воздвигнутом около древесного ствола. Иногда сюда приходили солидные маньчжуры – деловые люди с тем, чтобы, склонив голову, о чем-то просить кого-то, притаившегося где-то у развесистых ветвей этого толстого вяза. А иногда тут можно было видеть коленапреклоненную маньчжурскую девочку. Молитвенно сложив перед собою ладони рук, она просила о чем-то своём; её губы тихо шепчут невнятные слова и лицо, устремленное к древесному стволу, выражает мольбу. Сотни различных бумажек, развешанных под листвою дерева, и всевозможные сооружения вокруг древесного ствола, – все это в свою очередь, говорило о широкой обрядовой стороне, связанной с деревом. Рассказывают, что почитание этого дерева связано с несколькими легендами, говорят, что у него имело даже место несколько случаев исцеления больных. Говорят, что под самым деревом покоятся останки одного весьма искусного маньчжурского врача, погибшего много лет тому назад от злодейской руки убийцы. Врачевателю, погребенному здесь, рассказывают маньчжуры, удалось вылечить от безнадежной болезни ребенка одного видного человека, и за это ему пришлось поплатиться своей жизнью от жестокого и бесчеловечного врага отца спасенного ребенка. Кости праведника, лежащие где-то под корнями дерева, наделяют, по верованиям маньчжур, таинственной исцелительной силой выросшее над ними дерево» [17, с. 17].

Известно, что во многих мифологических картинах мира, в русском фольклоре и поэзии образ дерева часто выступал как «система пространственных и духовных координат, соединяющих небо и землю, верх и низ, правое и левое, все стороны света» [19, с. 38]. «Дерево образует центральную ось, через которую идет поток божественной энергии, связывающей сверхъестественный и естественный миры» [8, с. 48]. В связи с этим Е.В. Меряшкина отмечает, что в «Великом Ване» кедр является активным участником событий, на фоне которого разворачиваются сцены смертей и кульминаций в развитии действия. Сун-Фа после «лесного судилища» был отдан в жертву Горному Духу (тигру. – Е.К.), после чего был привязан к «старому, гигантских размеров» кедру, вершина которого поднималась к самому небу. В данном случае образ кедра служит мостиком между земным миром и вечностью» [14, с. 38]. «На самом водоразделе перевала растет старый кедр гигантских размеров. Гордая вершина его, вздымаясь к небу, темнеет над мелкою лесною порослью. Ни бури, ни весенние циклоны не одолели этого таёжного богатыря растительного царства, и он стоит одиноко в горной пустыне, цепляясь своими могучими корнями в трещинах гранитных утесов. К этому богатырю крепко прикрутили веревками Сун-Фа» [3, с. 184]. Любопытны в этом контексте и пометки Н. Байкова, писавшего, что инородцы Восточной Сибири, гольды, ороконы и тунгусы, а также бродячие охотничьи племена Маньчжу-

рии – солонь и маньгры, воздавая тигру божеские почести, приносят жертвы в виде своей охотничьей добычи: «Если тигр был особенно дерзок и умерщвлял людей, ему приносили человеческую жертву по указанию высших духовных лиц – шаманов. Обреченную жертву привязывали к дереву, стоящему у тигровой тропы, причем, если это был ребенок, его пеленали. Если зверь принимал жертву и съедал ее, дерево это считалось священным, и на нем прохожие охотники оставляли лоскутки своей одежды. Такие деревья, почитаемые местным населением, сохранились в лесных районах Маньчжурии ещё до сих пор, и прохожие, по старой памяти, вешают на их сучьях и ветвях длинные лоскуты своей одежды» [4].

Символика кедра связана с самым старым героем повести – Тун-Ли. «Можно отметить некоторое метафорическое сходство в описании внешности героя: «Могуч и крепок как столетний дуб старый таежник. Голый череп его и бронзовое лицо изрыты морщинами, как кора кедра» [3, с. 190]. Старец Тун-Ли, изображенный писателем как символ чистоты духа и помыслов, созидатель и хранитель, повелевает зверями и птицами, понимает их язык, поэтому он предстает как мифический и реальный герой одновременно. Тун-Ли олицетворяет вершителя человеческих судеб, «благодаря его знаниям и опытности к нему часто обращались местные охотники за советом и помощью. Он пользовался заслуженным авторитетом по всему обширному Шу-Хаю, и слава о нем как о Великом Старике распространялась от берегов Амура до границ Кореи» [3, с. 189]. «В главе XXVII, дающей расширенное повествование о жизни «великого старика», мы находим «согбенную годами фигуру» Тун-Ли под сенью кедра. Можно говорить о метафорическом сходстве кедра и героя: оба в повести воплощают собой бессмертие, мудрость и силу (речь идёт о внутренней силе Тун-Ли)» [14, с. 38].

Растительная стихия раскрывается в образе дерева и леса. Исследовательница Е.А. Неживая отмечает, что место под деревом обычно мыслится как особое сакральное пространство [15, с. 14–15]. Кумирни (этнограф., дальневост. – моельня. – Е.К.) местных жителей врезаны в могучие стволы гигантских кедров или расположены под ними. Дерево может символизировать средоточие жизни (часто герои находят убежище под деревом), но также связано и с символикой смерти (поваленный ствол гигантского кедра нередко становится местом засады зверя или человека). Сама чернота кедровых лесов, их таинственное молчание, оцепенение напоминают автору тьму и беззвучие могилы («черный, как могила, кедровник» [5, с. 256]). Даже сравнение стройных стволов кедров с колоннами храма несет оттенок мрачности – это колонны древних языческих капищ.

В «Великом Ване» есть упоминание о некой таинственной птице Цяор, которая, по представлениям китайцев, сопровождает тигра и звуком своего голоса пугает суеверных собирателей женьшеня. Гольды (устар. название нанайцев) эту птицу называют Тоито. Любопытно, что таинственная птица Цяор также живет на вершинах кедра, и образ ее связан с верованиями о переселении душ. Так, «по поверью обитателей тайги, таинственная птица Цяор является весною неизменной спутницей Вана и сопровождает его во всех его стран-

ствованиях по лесам. Души погибших в лесах людей вселяются в тело птицы и летают по вершинам деревьев. Звуки их громкого голоса похожи на звуки флейты и бывают слышны на далекое расстояние. В науке птица эта еще не известна. Увидеть ее очень трудно, так как она крайне осторожна и не подпускает к себе человека. Держится на вершинах высочайших деревьев тайги» [3, с. 188–189].

Выводы

Ни в одном из регионов России нет такого яркого, своеобразного и удивительного переплетения географических, исторических, природных, национальных и культурных особенностей. Литература русского Востока, или азиатской России прекрасно это демонстрирует. Образ тайги в творчестве Байкова проявляется как нечто целостное, так и в различных конкретных образах, среди которых центральное место занимают две значительные группы: зооморфные (образы животных, обитающих в тайге) и фитоморфные (образы растений и деревьев, произрастающих там). Как правило, растения и животные являются знаковой номинацией разного рода понятий и предметов, служат эмблемами, символами: «Этот символизм проявляется в изображениях, в оборотах речи и письменности, в деталях обрядов и обычаев» [6, с. 416]. Подробный анализ реализации знаковых региональных зооморфных и фитоморфных сакральных образов в художественных произведениях русских дальневосточных писателей формулирует перспективность дальнейших исследований по проблемам культурного взаимодействия в условиях трансграничья.

Литература

1. Автобиография Байкова // Бунгэй. Токио, 1942. № 12. С. 36.
2. Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии; Тигрица. Владивосток, 2011. 736 с.
3. Байков Н.А. Великий Ван; Черный капитан. Владивосток, 2009. 528 с.
4. Байков Н.А. Маньчжурский тигр. URL: <http://www.six-ote-alin.ru/books/baikov/h1.html>.
5. Байков Н.А. Тайга шумит; По белу свету; У костра; Сказочная быль. Владивосток, 2012. 512 с.
6. Георгиевский С.М. Мифические воззрения и мифы китайцев // Все о Китае. Т. 1. М., 2001. С. 416–424.
7. Дмитриевский-Байков Н.И. Жизнь и творчество Н.А. Байкова // Рубеж. 2003. № 4. С. 253–258.
8. Жарикова Е.Е. Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре, 2007. 116 с.
9. Кедр // Словарь символов. URL: <http://enc-dic.com/symbol/Kedr-320.html>.
10. Кедр // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/>.
11. Ким Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван; Черный капитан. Владивосток, 2009. С. 9–52.
12. Ким Рехо. Байков // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 2. М., 1999. С. 270–297.
13. Ким Рехо. Николай Байков. Судьба и книги: из наследия «русского» Харбина // Литературное обозрение. 1993. № 7–8. С. 41–49.
14. Меряшкина Е.В. Ориентальная специфика повести Н.А. Байкова «Великий Ван» // Записки Гродековского музея. Вып. 29. Хабаровск, 2013. С. 33–40.

15. Неживая Е.А. Художественный мир Н.А. Байкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2001. 23 с.
16. Подмаскин В.В., Киреева И.В. Удэгейские мифы, легенды, сказки. Владивосток, 2010. 216 с.
17. Священное дерево маньчжур // Рубеж. 1943. № 32. С. 17.
18. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Владивосток, 2002. С. 26–27.
19. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. 303 с.

References

1. Avtobiografiia Baikova [Baykov's autobiography] *Bungei*. Tokio, 1942, № 12, p. 36.
2. Baikov N.A. *V gorakh i lesakh Man'chzhurii; Tigritsa* [In the mountains and the woods of Manchuria; Tigress]. Vladivostok, 2011, 736 p.
3. Baikov N.A. *Velikii Van; Chernyi kapitan* [Great Van; Black captain]. Vladivostok, 2009, 528 p.
4. Baikov N.A. *Man'chzhurskii tigr* [Manchurian tiger]. Available at: <http://www.sixote-alin.ru/books/baikov/h1.html>.
5. Baikov N.A. *Taiga shumit; Po belu svetu; U kostra; Skazochnaia byl'* [The taiga rustles; In this world; At a fire; Fantastic legend]. Vladivostok, 2012, 512 p.
6. Georgievskii S.M. Mificheskie vozzreniia i mify kitaitsev [Mythical views and myths of Chinese] *Vse o Kitae* [In total about China]. T. 1. Moscow, 2001, pp. 416–424.
7. Dmitrovskii-Baikov N.I. Zhizn' i tvorchestvo N.A. Baikova [Life and N. A. Baykov's creativity] *Rubezh* [Boundary], 2003, № 4, pp. 253–258.
8. Zharikova E.E. *Oriental'nye motivy v poezii russkogo zarubezh'ia Dal'nego Vostoka* [Oriental motives in poetry of the Russian abroad of the Far East]. Komsomol'sk-na-Amure, 2007, 116 p.

9. Kedr (cedar) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Available at: <http://enc-dic.com/symbol/Kedr-320.html>.
10. Kedr (cedar) *Entsiklopediia simvoliki i geraldiki* [Encyclopedia of symbolics and heraldry]. Available at: <http://www.symbolarium.ru/index.php/>.
11. Kim E. Po belu svetu (Nikolai Baikov. Sud'ba i tvorchestvo) [In this world (Nikolay Baykov. Destiny and creativity)] *Baikov N.A. Velikii Van; Chernyi kapitan* [Great Van; Black captain]. Vladivostok, 2009, pp. 9–52.
12. Kim Rekho. Baikov *Literatura russkogo zarubezh'ia* [Literature of the Russian abroad]. 1920–1940. Vol. 2. Moscow, 1999, pp. 270–297.
13. Kim Rekho. Nikolai Baikov. Sud'ba i knigi: iz nasledii «russkogo» Kharbina [Nikolay Baykov. Destiny and books: from heritage of the "Russian" Harbin] *Literaturnoe obozrenie* [Literary review], 1993, № 7–8, pp. 41–49.
14. Meriashkina E.V. Oriental'naia spetsifika povesti N.A. Baikova «Velikii Van» [Oriental specifics of the story of N.A. Baykov "Great Wang"] *Zapiski Grodekovskogo muzeia* [Notes of the Grodekovsky museum]. Vol. 29. Khabarovsk, 2013, pp. 33–40.
15. Nezhivaia E.A. *Khudozhestvennyi mir N.A. Baikova* [Creative world of N.A. Baykov. Dr. dis.]. Vladivostok, 2001, 23 p.
16. Podmaskin V.V., Kireeva I.V. *Udegeiskie mify, legendy, skazki* [Udege myths, legends, fairy tales]. Vladivostok, 2010, 216 p.
17. Sviashchennoe derevo man'chzhur [Sacred tree Manchurian] *Rubezh* [Boundary], 1943, № 32, p. 17.
18. Khisamutdinov A.A. *Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [The Russian emigration in China]. Vladivostok, 2002, p. 26–27.
19. Epshtein M.N. «Priroda, mir, tainik vseennoi...»: sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii ["Nature, world, Universe hiding place...": system of landscape images in the Russian poetry]. Moscow, 1990, 303 p.

УДК 81.111

Н.Б. Мухина, Н.В. Матвеева
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
(г. Стерлитамак)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНТАКТНОЙ ЦЕЛИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Статья посвящена описанию контактной цели речевой деятельности субъекта речевого общения. Авторы представляют эксплицитные и имплицитные способы вербализации контактной цели. Контактная цель представлена как сочетание трех этапов: вступления в контакт, поддержание контакта и выход из контакта. Кроме того, контактная цель коммуникации может быть представлена в составе выражения других целей речевой деятельности субъекта речевого общения.

Говорящий, речевая деятельность, коммуникация, контактная цель, имплицитный, эксплицитный, вступление в контакт, поддержание контакта, выход из контакта.

The article deals with the description of the contact purpose of the speaker's activity. The authors have managed to present explicit and implicit ways of the contact purpose functioning in the process of communication. The contact purpose is depicted as a combination of the three stages: entering the contact, continuing the contact and ending the contact. Besides, the contact purpose of the communication can be distributed among other purposes of the speaker's speech activity in the process of communication.

Speakers, speech activity, communication, contact purpose, explicit, implicit, entering the contact, continuing the contact, ending the contact.

Введение

Контактная цель представляет собой один из главных факторов человеческого общения. Именно благодаря желанию участников коммуникации вступить в контакт, продолжить или прекратить общение

воплощаются возможности реализации принципов речевого взаимодействия, первым из которых является постановка общей цели предполагаемой коммуникации. Цель работы – представить способы язы-